

15. FMI RGPU im. A. I. Gertsena (lichnoe delo N. G. Kazanskogo / K-5 / s. 1).
16. *Frumenkova T. G.* «...Kak oni stoyali u voenkomata s britiyimi navechno glavami»: [o gertsenovtsah (studentah, vyipusnikah, aspirantah, prepodavatelyah), pogibshih na frontah Velikoy Otechestvennoy voynyi, — po materialam muzeya istorii RGPU] // Vestnik Gertsenovskogo universiteta. 2010. № 5 (79). S. 3–18.
17. *Frumenkova T. G.* «Kreschennyye blokadoy...» (Gertsenovskiy universitet v 1941–1945 gg.) // Vestnik Gertsenovskogo universiteta. 2007. № 5 (43). S. 37–43.
18. *Frumenkova T. G.* Myi vyishli iz blokadnykh dney: Gertsenovskiy universitet v godyi Velikoy Otechestvennoy voynyi (1941–1945). SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2005. 431 s.
19. *Hodanovich V. I.* Blokadnyye budni odnogo rayona Leningrada. M.: Tsentrpoligraf, 2015. 478 s.

А. А. Люблинская

IN MEMORIUM: В БОРЬБЕ ЗА ДЕТЕЙ (Из блокадных дневников)

Текст приводится без изменений (*прим. ред.*).

В работе А. А. Люблинской представлено описание жизни детского сада осенью 1941 — весной 1942 года в блокадном Ленинграде. Описаны необходимые действия воспитателей, даны характеристики истощенных детей. Приведены яркие примеры поведения матерей, одни из которых жертвовали собой ради детей, а другие съедали полагающийся им паек. Описано поведение ослабленных от голода детей, которые не могли играть и жили только ожиданием пищи. Это трагичное послание из прошлого, передающее психологическое состояние ленинградцев разного возраста в наиболее драматичный период жизни города.

Ключевые слова: блокада, дети, воспитатели, родители, война.

A. Lyublinskaya

IN MEMORIAM: FIGHTING FOR CHILDREN (From the Siege Diary)

A. A. Lyublinskaya's work describes the life of a kindergarten from the autumn of 1941 to the spring of 1942 during the Siege of Leningrad. It gives an account of the necessary actions by kindergarten teachers and characteristics of malnourished children. Vivid examples of mothers' behavior include cases where some of them sacrificed themselves for the sake of the children, while others ate the rations they were entitled to. The author gives the description of the behavior of weakened children who are not able to play and have to survive from one meal to another. This is a touching message from the past that conveys the psychological climate of Leningrad citizens of different ages in the most tragic period of the city's history.

Keywords: Siege of Leningrad, children, kindergarten teachers, parents, war.

Введение

Это не историческая повесть и не дневник. Это не летопись и не мемуары. То, что изложено в этих записках, — это, если хотите, очерки из жизни рядового детского учреждения в тяжелый год войны, в незабываемую зиму 1941–1942.

Когда озверелый подлый враг, вероломно нарушив мирный договор с Советским Союзом, вторгся в нашу страну и, быстро захватывая одну область за другой, подошел к самым стенам великой Москвы и охватил кольцом славный Ленинград, — весь советский народ в едином порыве,

слившись в единую силу, вдохновляемый единым чувством, встал на борьбу за свою могучую Родину. И каждый из советских патриотов нашел в нем себе место.

Бомбы падали с самолетов, летели осколки снарядов, бушевало пламя пожаров, голод высасывал жизнь, болезни подрывали силы, люди слабели и гибли... падали и умирали... Но умирали не все. Тот, кто крепко стоял на ногах, тот, кто полон был жажды жизни, чьи силы удесят�ерялись крепкой уверенностью в победе, кто сумел быстро и гибко перестроиться, применяясь ко все более и более усложнявшимся условиям жизни, — тот выдержал этот шквал, эту жестокую схватку со смертью и устоял. Но в нашей стране и в нашем городе в этот год, как и всегда, были такие люди, которые еще не могли сами бороться с этой яростной бурей... Были дети, эти маленькие люди, которые погибли бы все, если бы в нашей стране не было людей, которые встали на защиту малышей. Они развернули отчаянную борьбу за них, открыли широкий фронт борьбы за эти маленькие дорогие жизни. Этот фронт борьбы за детей имел свою тактику и стратегию, имел свои жертвы и своих героев; этот фронт имел свои будни и свою историю. Вот об этих буднях нашей жизни, об этих днях борьбы за наше будущее, за наших малышей в заблокированном городе — говорят данные очерки.

В кипучей и напряженной жизни детского сада незаметно мчались дни, недели и месяцы. Поэтому я не пытаюсь сохранить строгую историческую последовательность описываемых событий, прошедших в тот год в детском саду. Эти очерки рисуют отдельные картинки из жизни рядового детского учреждения в ту тяжелую незабываемую и страшную зиму, которая вошла в историю как героическая борьба Ленинграда, замкнутого в кольце блокады. Сотни дошкольниц участвовали в борьбе за жизнь малышей. Вот об этой необычной борьбе, которую вели женщины и молодые девуш-

ки Ленинграда без оружия и снарядов, без танков и самолетов, вооруженные только стойким мужеством, глубокой любовью к детям и своему дому <...> и говорят данные очерки.

1

Темная ночь. Крепкий мороз сковал даже воздух. В коридоре детского сада светится маленькая «коптилка». Все разошлись, кто домой (те, которые живут близко), другие — в групповые комнаты, где они ставят детские раскладушки, трое взрослых легли в кухне, у остывшей плиты. Так холодно везде. Я дежурю. В ватнике и платке обхожу спальни. Ребятки спят одетые, на стульях у кроваток лежат наготове их пальтишки, шапки, валенки. Выхожу на улицу. Январская ночь светла и холодна. Прожектора шарят по небу. Еще не поздно. Только десять часов вечера, как будто город спит... Нет, не все спят... вот скрипит калитка и две женщины входят во двор, приближаются к крыльцу.

Каждая из них несет что-то большое, завернутое в пальто и шали... «Вот деток к вам принесли. Я пришла сегодня с дежурства, — рассказывает одна из женщин. — Послушала, тихо что-то у соседей в комнате. Зашла, уже темно, позвала — никто не ответил. Мать давно уже лежала... Как подошла к кровати, посветила на нее, вижу, уже мертвая, совсем холодная лежит, наверное, еще прошлой ночью умерла, а эти двое детей рядом с мамкой лежат и сами уже замерзают. Вова-то меня признал, только жалобно посмотрел и все есть просит, а Валюшка и говорить не может, холодная совсем. В комнате, сами знаете, стекла выбиты, темень, холод. Вот подумала и к вам принесла... Надо спасти детишек, отец на фронте».

Детишек надо спасать. Прежде всего бегу на кухню: там еще есть большой чайник с теплой водой. Бужу всех, кто ночует в д/саду. Быстро подбираем белье, которое

собирали в покинутых квартирах. Разворачиваем тряпье, вытаскиваем детишек... Одежда на них шевелится от массы вшей, лица, уши, руки черны от грязи; вокруг ротиков — болячки и пятна чего-то зеленого и скользкого. А сами они — разве это человеческие дети? Эти желтые, иссохшие скелетики с кажущимися громадными голыми черепами. Волосы все вылезли, грязная шелушащаяся от сухости кожа обтянута, как пергаментом, скулы, над которыми чернеют глубоко провалившиеся стеклянные, круглые, какие-то мутные глаза, мертвецы... Неужели это наши ребята? Которых мать лелеяла и ласкала, которых с любовью и лаской купала, одевала, кормила, отдавая им все свои заботы, всю свою нежность. Неужели это те ребятки, которых жаждет увидеть их отец, выслеживающий сейчас врага из ледяной траншеи? Их надо спасать, надо вернуть им человеческий облик и вырвать из острых когтей смерти, которые уже тянутся к этим едва теплящимся жизням.

Мы осторожно купаем в тазу у плиты этих заморышей, переодеваем их в то, что удастся подобрать, и, напоив горячим кипятком, укладываем их около плиты на раскладушках. Со следующего утра начинается осторожная, но упорная борьба за этих ребятшек. Накормить их досыта и нечем, и нельзя. Но даже и обычная в детском саду тарелка жидкого супа, порция соевой каши на второе, завтрак, полдник и ужин, все это слишком большая нагрузка для истощенного детского организма. Мы знаем, как возникают у таких изголодавшихся людей жуткие поносы, которые в 2–3 дня сводят в могилу таких дистрофиков. Но их надо подкормить и поправить. Вот сидят маленькие старички, высоко подняв плечи и втянув в них тонкую шею, крепко прижав к туловищу руки. Они прижимаются к печке и тянутся к теплу, так как промерзли, кажется, до внутренностей. Никакие свитера, шарфы и курточки их не согревают. Они постоянно мерзнут и неохот-

но вылезают из-под одеяла. Все им кажется чуждым, ничто не привлекает внимания. Они безучастно относятся ко всему, что происходит вокруг. Уперев в одну точку неживые и потемневшие глаза, эти 4–5-летние дети смотрят на все пустым взглядом старика, испытавшего всю гнетущую тяжесть глубоких, длительно преследующих человека невзгод, всю полноту опустошающего горя, которое постепенно тушит живой блеск ясных, здоровых человеческих глаз.

Мы не можем даже держать этих детей постоянно в кровати, потому что в детском саду вообще комнаты групповые и спальни не отапливают, и дети опять в бомбоубежище, а днем «дежурная группа» в 30–40 человек запихана в проходную комнатку, бывшую раздаточную, между черным крыльцом и кухней. Это те несчастные дети, матери которых, потеряв последние силы в борьбе за жизнь свою и этих малышей, либо лежат дома, ожидая того же конца, который постиг маму Вали и Вовы Камыловых, либо они замерзли, уйдя из дома и не вернувшись, и детей привели в детский сад чужие люди. Либо родители этих детей ютятся по подвалам, канцеляриям и цехам своих холодных заводов, контор и учреждений. Вопреки всему они работают, в холоде и темноте, вращая станки опухшими кровотокающими руками, а ночью падают без сил там же, около станков и столов, забываясь голодным и тяжелым сном. Им некуда уйти: дом разбит, стекла вылетели вместе с рамами, штукатурка засыпала исковерканные вещи — по опустевшему, когда-то теплomu и уютному гнездышку ходит злой мороз и холод разрушения и смерти...

Мы осторожно кормим наших деток, следим за их стулом, делим на 5–6 раз их маленькую порцию хлеба и всю еду, чтобы не перегружать их желудки, совсем разучившиеся принимать и переваривать пищу. Сколько же радости, сколько глубокого счастья, гордости и восторга испытывает каждый из нас, когда мы замечаем, как по-

степенно начинают выравниваться ямы на провалившихся щеках, как начинают крепнуть ножки, как исчезают противные морщины на их сухой коже. Как радостно мы делимся нашими наблюдениями: «Сегодня Валя уже смотрела картинки»; «А вы заметили, что Вова уже сам подошел и сел сегодня за стол?»; «Вы бы видели, как сегодня Сережа играл с кубиками» или «как вчера вечером Томочка тихонько сама рассказывала что-то кукле».

Да... эти Томочки, Сережи, Вовы, Валушки оживают, оживают от наших забот. Они снова становятся людьми. Они начинают ходить, жить, говорить, интересоваться окружающими: они начинают проявлять человеческие чувства: ласку, участие, досаду, удивление. Их глаза понемногу приобретают свой прежний блеск. И наконец, правда ли это? — Слышите, это они смеются! Смеются весело по-детски, но еще как-то робко, несмело. Как мало нужно для того, чтобы зазвучал этот радостный голос детской жизни. Красный шарик, который катается по полу и, ударяясь о ножки столов и стульев, отскакивает в самых неожиданных направлениях, вызывает у ребят радость, детский дорогой нам смех. Он говорит нам о маленькой детской радости... он говорит нам о сохраненной человеческой жизни. Эти ребятки и еще тысячи, десятки тысяч таких как они, спасены усилиями воспитателей и нянюшек детского сада от голодной мучительной смерти. Но многие уже никогда больше не засмеются. ...Миллионы трупов взрослых и детей покрывают нашу землю. Они взывают о помощи, они требуют еще больших сил для борьбы.

2

Еще тянется холодный, почему-то мучительно длинный в этом году темный январь. Все еще тянутся морозные дни, перехватывающие дыхание, останавливающие кровь, ледящие руки, лицо. Почему-то в

этом году зима необычно сурова. На улице постоянно встречаются высохшие измученные люди. Впрочем, они когда-то были людьми, сейчас это желтые ходячие мертвецы с висящими складками пустой кожи на руках, на лице, на теле. Многие из них, едва передвигая ноги, тянут саночки, а иногда просто листы фанеры, на которых отвозят к Неве трупы своих близких. Впрочем, чаще всего, потеряв остатки сил, живые оставляют своих мертвецов на улице, иногда ложатся рядом с ними и умирают. На улице.

Как-то раньше никто из нас не представлял себе этот ужас голода, постоянного, жгучего и мучительного своей беспросветностью.

Уже 12 часов дня... Плита жарко топится. Она вся уставлена котлами и кастрюлями. Но почему-то кухарка и ее помощница спокойно сидят около плиты. Нервно смотрят на часы завхоз и заведующая, а каждый из входящих взрослых спрашивает: «Еще не привезли?..»

Да, уже первый час дня, пора кормить детей обедом, а с базы все еще ничего не привезли, плита уставлена сейчас котлами с чистой водой. Запаса провизии в кладовой у нас нет ни грамма. Кладовая совсем пуста, и мы ждем с мучительным напряжением, ждем все: и няни, и дети, и педагоги, и заведующая, когда и что привезут с базы? А желудок внятно говорит уже, что время обеда пришло... Оно так рано приходит теперь, а потом так долго ждать до вечера...

Вдруг дверь открывается. В клубах пара, окутанные седым морозом, заледеневшие до глаз, входят с ведрами и мешками наши девушки: «База пришла, база пришла!» — разносятся радостные крики детей... Мы все собираемся на кухне... Но какое разочарование. Почти ничего не привезли... немного жилистого мяса и морковное повидло. Мясо сразу опускают в кипящую воду. Но чем засыпать этот бульон? Что делать на второе? Чем кормить сегодня вечером и чем напоить завтра утром этих 30 детишек,

которые жадными глазами следят сейчас за всеми движениями взрослых и прислушиваются к их разговорам, и тех 120 детей, которые сидят сейчас дома в холодных, неоплавленных и темных квартирах? Они сидят на кроватях, закутанные в одеяла поверх всех свитеров и пиджаков, которые только нашлись дома. Их несчастные матери уже собираются у нас в вестибюле со своими кувшинчиками и кастрюльками... Они топочат нас с обедом, ведь дома ждут их голодные дети!

Что делать?.. Чем накормить?.. Пускаем в ход всю фантазию... Комбинируем мясо и повидло, наконец, выход найден. Бульон будет пустой, но все же это бульон. Мяса дадим по кусочку на ужин. Конечно, его очень мало и там много жил, но все же это мясо... А сейчас на второе мы раскрываем на свой риск ящик с сухарями, спрятанный в бомбоубежище. Таких три ящика находятся у нас в запасе. Сейчас некогда раздумывать. Все приходит в движение. Быстро размачиваем сухари, немного жарим их и затем смазываем повидлом... Дети ждут с голодной жадностью и нетерпением. Обед опаздывает на 1,5 часа. Матери волнуются, кричат, многие плачут. Мы раздаем обед на дом и кормим нашу группу детей. Очередь быстро рассасывается... укладываем наших ребятшек в дымном бомбоубежище. Они сразу засыпают.

А мы, взрослые?.. Вот уже в четвертый раз мы все — няни, воспитатели, заведующая, прачка, бухгалтер — привезли оледеневшие огромные бочки и ведра с водой с Невы. Мы втаскиваем их на кухню и забываемся в наш любимый угол за плитой. С нахмуренными бровями с сосредоточенным взглядом мы отогреваем свои окоченевшие руки... Так хочется есть! Но нам, взрослым, достается только по одной тарелке пустого бульона. Его едят молча и без хлеба. Он съеден еще утром уже за завтрашний день, а большинство из нас, тоже матери, мы оставляем свой хлеб детям и, кажется, забыли его вкус... едим молча и

медленно. Хотим протянуть подольше эту радость ощущения горячей пищи... Так хочется есть! А мы так быстро опустошаем наши тарелки! Их можно не мыть. Подражая детям и не стесняясь друг друга, мы вылизываем их начисто языком, и хочется выжать из этого белого гладкого фаянса еще хоть немножко еды, еще хоть чуточку сытости. Нет, все!.. Мы снова молча надеваем свои порванные, замерзшие и негнущиеся рукавицы, закутываемся в платки и шали и идем пилить бревна, которые притащили волоком из-за города, где разобрали чей-то деревянный дом, а некоторые идут снова за водой на Неву. Ведь надо затопить печку в бомбоубежище, да и на завтра воды не хватит. Ведь надо вымыть наших ребят и кое-что постирать для них. Но в первую очередь надо вытащить грязные ведра из уборной к помоям.

Молчаливо, плотно сжав зубы и крепко сдвинув брови, расходимся из тепла снова на мороз, снова на ветер, усталые и даже как будто еще более голодные, чем раньше. Однако никто не жалуется, не ворчит, не стонет. Мы рады, что сумели накормить сегодня детей, ведь это главное. А взрослые? Ну, что же, мы подождем, что привезут с базы завтра, может быть, завтра и нам что-нибудь достанется поесть.

3

У-у-у-у... У-у-у... гудит, завывая, сирена. Этот, за душу хватающий, полный тревоги вой, ревуший разными голосами, кричащий о надвигающейся опасности: «Бегите, скрывайтесь... Враг близок!»

В детском саду все ребяташки уже привыкли к этим сигналам воздушной тревоги. И взрослые, и дети выслушивают эти сигналы с какой-то удивительной спокойной деловитостью. Все знают, что надо делать... именно делать, а не переживать. Дети только что спокойно сидели за играми, но пальтишки их всегда наготове... Педагоги, няни, бухгалтер бросают все дела и бе-

гут в раздевалки, шелкают дверцы шкафчиков; старшие быстро одеваются сами и бегут в бомбоубежище. Если кто-нибудь из взрослых не сдержит своей тревоги и неосторожно крикнет на детей или друг на друга, если не на месте фонарь или потеряны спички... тревога, как искра, заражает детей. Тогда они волнуются, начинают плакать, некоторые малыши, уже испытывавшие ужас разрушений, отчаяние развала и страх бомбежки, судорожно цепляются за няню, за руководительницу, ища у них защиты и покоя... быстро, быстро, скорее в бомбоубежище! Прячьте наших ребят, спасайте малышей от бомб, несущих смерть и сиротство.

Мы бежим со своими группами по бомбоубежищам. Детей много: мы прячем их в подвалах соседних домов. Для этого надо пересечь два двора. В помещении нашего детсада нет ничего похожего на бомбоубежище.

Скорей, скорей!.. Уже идет воздушный бой. Зенитные батареи работают беспереывно. Все небо покрывается белыми маленькими облачками разрывов... Между ними ныряют самолеты... Это наши или «их»? Вражеские? Разве есть время разбирать?! И вести наблюдение за воздушным боем?! Бежим через двор. На одной руке несущего малыша. Судорожно вцепился он в мою шею и прячет свою мордашку в мой воротник... «Боюсь... боюсь!..» — вздрагивает он. Пробую шутками заглушить его страх. Бежать быстро нельзя: нет сил. Ноги какие-то ватные... Голова кружится. Больше всего боюсь упасть с ребенком на руках. Каким далеким кажется этот путь через два двора до бомбоубежища! Как поздно дан сигнал!.. Кругом уже падают осколки...

Наконец, спускаемся в подвал. Ну, вот, кажется, благополучно. Рассаживаем детей по скамейкам. Темно, едва при свете фонаря видишь всех 30 детей. Считаю детей по головам... — двадцать девять! Где же еще один? Пересчитываю раз, другой... Нет, их — двадцать девять. Кого же нет? Мучи-

тельная тревога закрадывается в сердце. Неужели кого-то оставили «дома»? Переключку делать некогда. Витя Рыбин здесь? А Коля Вахмистров? Эти всегда залезут в умывалку или в уборную и займутся разговорами, забыв обо всем... Оставляю детей с няней и вторым педагогом, бегу обратно в дом. Грохот зенитного обстрела чаще и ближе. Где-то тарахтит пулемет, рядом падают осколки... вот посыпались мелкие зажигательные бомбы. Вбегаю в дом по лестнице вверх... в группу... — никого! В уборную — никого! Сбегав вниз на кухню, снова наверх в раздевалку, и неожиданно мое внимание привлекает чуть двигающаяся дверца детского шкафа для пальто. Кто тут? Галя Анилова? — Зачем ты здесь, в шкафу для пальто? Она лишь второй день в детском саду, и ей показался самым безопасным этот темный шкафчик, где ее никто не увидит, никто, даже немец со своего самолета...

Забираю ребенка. Немного переждем — обстрел... очень частый, скоро будет пауза в грохоте и пальбе. В это короткое мгновение бежим в бомбоубежище. Ну, наконец, теперь все дети здесь. Пересчитываю снова... Все тридцать — налицо, здесь они как будто в безопасности — в темном, сыром и тесном подвале.

Наверху отчаянно борются наши «ястребки» с лютыми стервятниками. С грохотом, скрежетом рушатся дома от полуторных бомб, засыпая кирпичами и железом людей, стоящих на крышах домов и сбрасывающих зажигательные бомбы. Фашистские бандиты разрушают своими бомбами самые лучшие дома нашего красавца города, уничтожают жизнь наших людей, убивают, режут, насилуют; это они загнали сейчас в глубокие подвалы десятки тысяч маленьких детей, и они сидят там испуганные и покорные, притихшие и такие беспомощные.

Мы стараемся отвлечь внимание детей от этого грохота, от этих ударов и взрывов, отголоски которых проникают даже сюда,

в глубокий подвал. Я начинаю рассказывать длинную историю, которую выдумываю тут же, вплетая в нее самые фантастические превращения, невероятные приключения, неожиданные эпизоды.

Внимание детей занято. Широко открытыми глазами они смотрят мне в лицо и забывают обо всем. Но приходит время... тревога длится уже 2-й час. Мы затеваем игры за столами. Дети говорят стихи, мы рассматриваем картинки. Но как мучительно тянется время... Дети начинают капризничать и ссориться между собой: они устали сидеть без движения, устали от темноты, от неудобной одежды... от тесноты помещения, устали от напряженности ожидания сигнала отбоя воздушной тревоги. Они проголодались и озябли... а бой наверху продолжается. Дети вздрагивают от сильных ударов, грохот взрывов не прекращается... и мы снова что-то выдумываем, поем песни, раздаем листики газетной бумаги и старых обоев для рисования. Томительно и тяжело тянется время. Вдруг открывается дверь, и наша няня, которая никогда и ничего не боится, появляется с чайником, с блюдом хлеба и с корзинкой, в которой лежат чашки, теперь мы можем согреть детей полдником. Они немножко оживают... но время близится к пяти часам, а сигнала отбоя все еще нет!!!

Скоро ли прозвучат эти знакомые звуки? Радостнее которых не было для ленинградцев в ту зиму? Скоро ли мы выйдем из подвала и узнаем, какие еще несчастья принесла сегодняшняя бомбежка нашему городу, нашим товарищам и кто из наших ребят осиротел в этот день.

4

Уже в третий раз мы эвакуируем детские дома из Ленинграда в глубокий тыл страны. Собранные со всего города, найденные в разных домах, в опустевших квартирах и комнатах, дети разного возраста либо через детские сады и детские приемники, либо

заботами отдельных чужих людей попадали в детские сады. Эти учреждения активно и безотказно выискивали и принимали всех осиротевших, покинутых ребят. Их находят всюду: на лестницах разбитых домов, во дворах, на свалках, в комнатах и подвалах, на улицах, около магазинов. Их приводили разные люди: случайные прохожие, управхозы, милиционеры, соседи по квартире, специальные инспекторы, педагоги, дворники. Старшие дети приходят сами и приводят с собой своих младших братишек и сестреночек.

Широкой волной вливается в двери детских учреждений поток осиротевших детей, лишенных родительской любви, заботы и ласки.

Еще неделю назад мать Оксаны и Гали приходила в детский сад за своими прелестными девочками. Ценой героических усилий, ценой невероятного напряжения, ценой собственного здоровья протащила эта мужественная женщина всю тяжесть борьбы через зимний мрак, холод и голод. И вот теперь, когда дети начали понемногу поправляться и крепнуть, когда напряжение борьбы как будто несколько ослабло, иссякли силы, и мать свалилась, сгорела в два дня. Девочки остались у нас.

Женю Рыбкина привел в детский сад отец. Он случайно приехал с фронта в город. Как всегда, его мотоцикл остановился у знакомого подъезда. Как уже несколько раз прежде, с нетерпением рванул он дверь своей комнаты. Но в этот раз увидел своего Женю одного. Мальчик сидел в пальто и шапке за столом и с жадностью уплетал горбушку хлеба и селедку, запоздалую помощь соседей... а на двух кроватях белели трупы бабушки и матери, скончавшихся одна за другой в течение двух дней.

Мать Вовы и Риты Устименко была найдена без сознания во дворе детского сада, и ее не успели довести до больницы...

Боря Иванов так и не уходил из детского сада домой. После очередной бомбежки за

ним что-то долго не приходила всегда веселая и бодрая мама. Мальчика уложили спать. Наутро мы узнали, что у Бори не осталось ни дома, ни квартиры, ни мамы, ничего...

Мамы Вити Дергача и Вити Матвеевко так и не вернулись из больницы, и мальчики прямо из детского сада попали в детский дом.

Лена Романовская привела братишку Юрика на третий день после того, как бабушка ушла за хлебом и не вернулась домой.

Таню Кузнецову принесла соседка в бессознательном состоянии, а когда девочка пришла в себя, она все время кричала, что убила свою мамочку: если бы она вечером не съела своего ужина и не заснула бы так крепко, мама осталась бы жива. В течение полутора месяцев этот бред не прекращался.

Мишу Неизвестного привез на саночках постовой милиционер. Сначала эти саночки везла Мишина мама... Она шла по Кировскому проспекту, вдруг раздался противный свист снаряда, удар, разрыв... посыпались осколки железа, кирпича, стекла... Мама упала лицом прямо в снег. Миша остался сидеть на саночках, и его привез милиционер.

Колю Денисова мы нашли одного в пустой большой квартире из восьми комнат. Обходя дома в поисках покинутых детей, мы зашли в большую, когда-то красивую, сейчас — темную квартиру. Дверь открыта. Из темного коридора несет смрадом и сыростью. Открываем одну комнату, за ней другую, третью. Везде одна и та же картина. Это жилье, покинутое живыми. Оно населено мертвыми. Вот в комнате на кровати лежит уже потемневший высохший труп; кругом невообразимая грязь и беспорядок. Вся кровать, пол, стулья загажены и заплеваны; на полу стоят лоханки, ведра и горшки с замерзшими нечистотами. Вот в большой комнате в кресле сидит мертвый мужчина. Кругом только мертвые. Уже закачивается обход этой квартиры-кладбища,

мы неожиданно слышим стон... не то стон, не то вздох где-то рядом, около кухни. Бежим туда. В маленькой комнате без окна, среди груды вонючего тряпья, лежит мальчик лет двенадцати. Он единственный живой человек в этой квартире. Он ничего не ел уже три дня, с тех пор как соседка взяла его карточку на хлеб и ушла, унося с собой и хлеб, и его жизнь. Лишь позднее мы узнали, что его отец на фронте, мать умерла в больнице на прошлой неделе, а сестра, забрав все теплые и более ценные вещи, эвакуировалась со школой ЖЗУ, бросив его в пустой мертвой квартире совсем, совсем одного.

Да можно ли перечислить все способы, которыми умирали люди в эту зиму?! Можно ли пересказать все пути, которыми дети шли из своей семьи в большую, крепкую и любящую семью советской общности?

Но каким бы ни был этот путь, он привел их всех сейчас в детские дома...

Мы снаряжали наших найденышей, наших приемышей с нежной лаской и любовью. Мы старались дать им красивое платье, цветной бантик, собирали теплые вещи и передавали детей в детский дом окрепшими, чистыми и спокойными.

И детские дома выкачивали и выкачивали этих беспризорных ребят, этих сирот из борющегося в смертельной схватке большого города.

Вот тянется по перрону вокзала группа детей с белыми нашивками на рукавах. На них написано: Ленинград, Петроградский район, 42-й детский дом и ниже вышита фамилия ребенка. Тут наши — Романовская, Устименко, Рыбкин, а вот и Наташа Безымянная — ее фамилия так и осталась неизвестной; за ней идут два малыша: Валя Съезжинская и Геня Посадский — эти ребятки только смогли пролепетать свои имена и записаны по названию тех улиц, на которых найдены...

Бесконечно тянутся по перрону вокзала колонны детей с белыми нашивками на ру-

кавах... В глубокий тыл, подальше от пережитых ужасов голода, бомбежки и смерти отправляет Ленинград своих осиротевших детей.

Вот невинные жертвы гитлеровского бандитизма, вот где наглядно демонстрирует война весь свой ужас, всю глубину человеческого горя.

За один день из одного лишь Ленинграда эвакуировано 1500 детей-сирот. Только по Петроградскому району в течение марта — апреля эвакуировали 480 детей <...>.

Пусть трепещут немецкие изверги от этой армии сирот, отцы которых, братья, родные и чужие отомстят в тысячу крат за их сиротство и горе.

Дети вырастают в новой большой и дружной семье. Нет на нашей земле ни одного человека, который не носил бы в своем простом и горячем сердце большой, глубокой любви к ребенку, тем более к ребенку, пострадавшему от войны. И в какой бы город или далекий уголок нашей страны ни попал ребенок, какой бы номер детского дома ни был вышит на повязке, нашитой на его рукаве, — он везде найдет ласку и внимание, заботу и любовное участие сотен тысяч людей, отца и мать, в груди которых бьется большое сердце настоящего советского человека.

5

Теперь уже ясно, зима кончается. Приходит весна, а с нею солнце! Свет! Тепло!.. Неужели это правда? Неужели это на самом деле весна? Снова блестит солнце, снег тает, ручьи бегут по улицам, подмывающая сугробы и разливаясь по дворам и панелям. Правда, ночью земля еще подмерзает и ноги скользят по ледяным холмам, образовавшимся там, где люди черпают воду, лежа прямо животом на земле... Но уже светлеют вечера, уже утром мы поднимаем детей без огня... Но самое замечательное — это тепло... Как чудно на улице, как радостно чувствовать ласку еще робких сол-

нечных лучей и как хорошо, что уже не нужно содрогаться всем телом от проникающего до самых костей мороза, крепко прижимать локти к телу, втягивая голову в плечи, сжимать пальцы в кулак, дыханием согревая немеющие руки... Неужели это уже все позади? Можно уже снять теплый платок и даже большой мужской пиджак, надевавшийся под пальто на жакет, свитер, платье, фуфайку. Как чудно, что уже больше мы не мерзли!

А прибавка хлеба, разве это не укрепляет наши силы, не поднимает бодрость, не веселит наш дух?! Весна... весна... она, казалось, уже никогда не наступит: казалось, и она обессилела в борьбе с зимой и не в силах прогнать злой мрак зимней ночи. Но она все же пришла!.. Солнце снова сияет, оно согревает тех, кто дожил до этих ясных теплых весенних дней, и как будто торопится приласкать, ободрить и успокоить измученных, обессиленных и голодных людей, согреть их оледеневшее тело, укрепить их усталую душу.

И люди тянутся к жизни, к теплу. Они выходят, выползают из своих зловонных, загаженных темных и холодных квартир, их выносят на руках, и на улицах, на панелях, в садиках сидят, ходят, лежат те, кто все же дождался этого весеннего радостного утра, проводив темную, мрачную зимнюю ночь...

Оживает город: понемногу открылись бани, парикмахерские, даже некоторые магазины... Радио громко передает информацию и концерты... Стали появляться на улицах газеты и ...верить ли? — по улице идет первый милый знакомый красный трамвай. С умилением и радостью совершают люди первый рейс на трамвае. Каким комфортом кажется поездка через мосты, через Неву на трамвае! Мы уже так привыкли по всему городу ходить пешком. А тут садишься и едешь... Красота! Как после тяжелой болезни, медленно оживает измученный город, и вот однажды все ленинградцы услышали его голос: часы на

башне над городской станцией стали бить, как прежде, четверти и часы.

Город оживает, оживают люди, оживают дети! Они уже без плача выходят на прогулку. Вот с 32 детьми мы гуляем по соседним с детским садом улицам. Ребята неумолчно щебечут, радостно смеются и шалят, и мы не мешаем им. Самим хочется смеяться и шалить, видя эти радостные, розовеющие личики, эти оживающие, загорающиеся радостью жизни глазки. И все взрослые, встречающие нас на улице, с умилением, радостью и любовью провожают нас возгласами: «Вот сколько детей еще осталось»; «Смотри-ка, какие детки-то хорошие, не все утомились, вот сколько еще осталось»; «Ишь, сколько ребят, и где это вы их набрали столько?»

А «дома» у нас еще осталось несколько детишек... Вот Риточка Матвеева, она еще не встает на ножки и целый день лежит или сидит в постельке. Или Катя Николаева — она не может оправиться от тяжелых поносов, изнуряющих ее исхудавшее тельце. Этих ребяток мы тоже хотим порадовать солнышком. Я одеваю Риточке капор, пальтишко и валенки. Девочка горько и жалобно плачет, она боится холода и не хочет покидать кроватку, где ей так тепло и удобно. Уговариваю терпеливо и ласково, закутываю ее поверх шубки в одеяло и выношу на двор. Мы сажаем ее в саночки и дети возят ее по двору. «Холодно ли тебе, Риточка? Хорошо ли? Хочешь домой?» Нет, нет, ей хорошо, ей тепло и радостно... и вечером, когда я укладываю ее спать, она обнимает меня за шею и шепчет на ухо: «А завтра вы возьмете меня опять на солнышко и покатаете в саночках?» Да, конечно, завтра и послезавтра. Каждый день мы будем выносить тебя, Риточка, и еще полтора десятка таких же слабеньких детей до тех пор, пока ваши ножки сами не выбегут на крыльцо! И как быстро этот миг наступает. После третьей прогулки Риточка уже сама встает с кровати и обедает за столом со всеми детьми, а к концу недели

она робко и осторожно с куклой в руках сама выходит на крыльцо и смеется, смеется от вернувшейся жизни.

Да, жизнь возвращается, жизнь берет свое, и для нас и наших детей она вышла победительницей из борьбы со смертью. Однако враг упрям, вреден и коварен. Он подбирается к оставшимся людям со всех сторон: он притаился и в зараженной трупами воде, и в отсыревших комнатах, несущих массовые заболевания, и на загрязненных нечистотами улицах, дворах и в квартирах. Но ни одной жизни нельзя отдать больше блокаде. Собрав все силы, всю выдержку, все граждане: рабочие, врачи, домохозяйки, педагоги, продавцы, служащие, — все поднялись на защиту Ленинграда от эпидемий. Скептики, паникеры, трусы всю зиму предсказывали нам неизбежность тифа, холеры, дизентерии и прочих бед. Но ни одно из этих пророчеств не сбылось. Исхудавшие, усталые люди, с опухшими лицами и отмороженными, кровоточащими руками, ослабленные голодом и цингой, после работы выходили с ломami и лопатами. Они раскалывали горы замерзших нечистот, льда, смерзшегося снега с обломками кирпичей и штукатурки, кусками шкафов и диванов, детскими игрушками и библиотеками ученых. Вывозили эти осколки старого, выносили в корзинах и ящиках, перевозили на машинах и трамвайных платформах, скалывали, чистили, убирали, освобождали город от этих гнойников, от этих мокнущих язв. И когда солнце стало греть сильнее, когда с улиц, площадей и дворов свалилась последняя грязная короста прошедшей тяжелой зимы, — люди снова увидели свой любимый город здоровым и как будто еще более прекрасным, чем прежде. Хотя провалы в домах, груды разбитых зданий, воронки посередине и срезанные бомбами стены красноречиво говорили о том, что вынес герой Ленинград.

В эти апрельские ясные дни во всех уголках детского сада несмолкаемо звене-

ли веселые детские голоса. В эти апрельские теплые дни в каждом взгляде встречающегося на улице человека светилось чувство живой радости. В эти чудесные апрельские дни каждый из нас чувствовал себя снова сильным, спокойным и, как никогда прежде, крепко уверенным в победе. И громко вторило сердце песне возвращавшейся жизни.

6

С наступлением весны и тепла начали поправляться дети, но многие из них не могли ходить из-за мучительной болезни ног. Тяжелое следствие длительной голодовки — цинга глубоко въелась в детский организм и разрушает его.

Мать приводит к нам троих детей. Все они не выглядят дистрофиками. У старшего Юры и младшего Алика даже довольно кругленькие рожицы. Мы раздеваем ребят. Все тело их покрыто темными большими пятнами, особенно ноги. Они даже почернели внизу на ступнях. В самом ужасном виде рот: дети едва могут его раскрыть, вместо десен — гнилое черное месиво, в нем совершенно не видно зубов; язык распух и кровоточит; из открытого рта несет вонью и тошнотным смрадом разложения. Особенно Галя пострадала от цинги: у этой пятилетней девочки даже выпали передние зубы.

Мать уехала на оборонные работы, да она и не может остановить этот быстрый процесс разложения.

Мы беремся за детей. Сейчас они даже не могут еще стоять на ножках и охотнее всего лежат в кроватках. Утром их подушки покрываются густыми коричневыми пятнами. Что делать с детишками?! Ведь они не могут есть даже мякиш хлеба. Но Советское правительство знает, в чем нуждаются сейчас люди, крупнейшие руководители нашего города заняты вопросом питания детей. В детский сад начинает поступать свежая зелень, щавель, редиска,

укроп; на детей начинают выдавать соки, клюкву, витамин С, настойки хвои. Мы охотимся в садах за молодой крапивой. Вместе с врачом мы осторожно кормим наших цинготников сырой зеленью. Особенно заметные положительные результаты дает щавель. Мы его рубим мелко-мелко и даем детям есть его сырым с хлебом, а также и взрослым. Среди наших служащих большая половина тоже ходит с почерневшими деснами.

Троим детям Шестериковым ежедневно смазывают десны соком, отжатым из крапивы и клюквы. Мы выносим детей на руках во двор и усаживаем их на солнышке в креслицах или укладываем детей на раскладушках, подставляя их почерневшие ноги уже теплым лучам весеннего солнца.

В этой борьбе незаметно проходит месяц.

Неужели это Галя спускается ко мне сама по лестнице со второго этажа? Осторожно и как-то неуверенно ставит она ноги на каждую ступеньку, крепко держится за перила и, увидя меня, радостно смеется. А этот бутуз — тот самый Алик, которого еще недавно приходилось насильно поднимать с кровати? Посмотрите, как он весело копается в песочке, ковыляя с каждой формочкой от ямки к скамейке.

Проходит еще неделя, другая, и вот тройка Шестериковых участвует в музыкальных занятиях: дети бегают, смеются и играют, как все здоровые дети. И вот неожиданно, в конце второго месяца пребывания детей в детском саду на один день приезжает их мать. Я отвожу ее в канцелярию и прошу позвать детей. Она вскакивает с места: «Позвольте мне самой пойти за ними, ведь слишком тяжело нести их всех троих». Я улыбаюсь и успокаиваю ее. Пусть она не тревожится, няня справится одна. Резко открывается дверь, вся тройка врывается в комнату и со смехом и криком бросается к матери. Мать всплескивает руками: «Да вы ли это, мои детки? Ведь я уже думала, что вас нет на свете...». И с удив-

лением и радостью осматривает, ошупывает, гладит она своих детенышей. Она трогает их руки, гладит по плечам и спинкам, заглядывает в глаза, прижимает к груди то одного, то другого, все время повторяя: «А я-то уже не думала, что вы живы».

Татарченоч Бичурин Сафиулла попал в детский сад после того, как его мать похоронила троих его братьев и сестру, а сама была отправлена в больницу.

Мальчик напоминал мартышку: с вылезшими волосами, с облезшей на лице сухой кожей, покрытой болячками. Его глаза под низким лбом имели выражение какой-то тупой покорности и глубокого безразличия ко всему, что не касалось еды; его тело вызывало дрожь и ужас даже у тех, кто за эту зиму навиделся всяких уродств: большой живот под узкой грудью с выступающими на ней ребрами, висящие по бокам худые руки-палки, покрытые темными пятнами и язвами; распухшие, кровоточащие ноги — вот в каком виде предстало перед нами существо, называвшее себя Сафиулла Бичуриным. Он прожил в детском саду четыре месяца до того дня, когда однажды утром ко мне, во время прогулки детей, робко подошла высокая, худая женщина. Она очень плохо владела русской речью, но было понятно, что мать Саши (мы его звали по-русски) Бичурина вышла из больницы и с трепетом пришла узнать, куда делся ее последний ребенок. Дома ей сказали, что он отправлен в какой-то детский сад на этой улице, и вот она ищет своего последнего сына. Тех троих сыновей и дочку она похоронила сама, муж убит еще зимой, а этот Сафиулла тоже умер? Она готова к этому и, собственно, лишь ждет подтверждения своей догадки. «Идите, мама, ваш сын здесь, среди этих играющих на площадке здоровых детей... Смотрите и узнайте его!..»

Мать волнуется, ходит между ребятами, беспомощно смотрит вокруг.

«Подойди, Сашенька, что ты спрятался?» Он уже давно заметил свою маму и вдруг сконфузился, спрятался за угол и

следит за ней радостными и смущенными глазами. Его зовут дети, и вот мать перед ним. Он ли это? Она не бросается к нему, и он стоит молчаливый и смущенный перед ней. Она смотрит на него пристально, долго и вдруг раздражается бурными слезами. Я увожу ее в дом. Она говорит сбивчиво наполовину по-русски, наполовину по-татарски. Но все вполне ясно. Она благодарит за сына, она благодарит за радость, возвращенную ей. И, уходя из детского сада со своим последним сыном, она кладет мне руки на плечи и смотрит с глубоким волнением мне прямо в лицо, а потом вдруг хватается мои руки и пытается их поднести к губам.

Мы крепко обнимаем друг друга и без слов понимаем все чувства, волнующие нас в тот момент.

Сколько таких радостных встреч видела наша скромная комнатка, кабинет заведующей за эту зиму, весну, лето и осень 1941/1942 годов. Сколько таких волнующих встреч оправившихся матерей со своими окрепшими детьми видели все детские учреждения нашего города! И можно ли ждать более высокой награды за все трудные дни, за все бессонные и тревожные ночи, за непосильный тяжелый труд, за бесконечные заботы и мучительную тревогу, которым полон каждый день, каждый час работы ленинградских дошкольных учреждений, чем эти материнские благодарные лица, чем эти полные глубокого волнения и бесконечной признательности глаза. Эти глаза навсегда останутся в нашей памяти, как сияющие звезды, освещающие ярким светом наш трудный путь и зовущие нас на дальнейшую, еще более ожесточенную борьбу за жизнь детей.

7

Сколько интересных случаев выплескивает жизнь в наш детский сад! Сколько необычайных условий жизни, отношений между людьми, характеров, конфликтов, удивительного героизма и безобразного

уродства обнажает сейчас борьба за существование, борьба за жизнь!..

В канцелярию входит семилетняя Рита Браун. Она уже целую неделю не ходит в детский сад. Ее мать больна и писала, чтобы я разрешила девочке остаться дома, побыть с ней и оказывать ей помощь. Однако я не уверена в том, что детсадовский обед и ужин Рита делит между собой и голодной матерью, и вызвала ее сегодня к себе. Не ожидая моих вопросов, Рита сразу берет инициативу в свои руки.

«Дайте мне, пожалуйста, мою хлебную карточку. Я не буду больше брать хлеб в детском саду, я буду брать его сама из булочной!» — говорит она.

«Почему ты так хочешь сделать? Ведь ты получаешь дома на мамину карточку хлеб?»

«Нет, видите ли, у мамы карточку украли еще в начале месяца, а мне надо получать для нее белый хлеб. Я получу справку у доктора. У мамы ведь сильный понос и у меня тоже. Когда у нее только начался немножко понос, мне соседка сказала, что надо поехать в Лесной и набрать там травы, и отвар этот выпить, и мама поправится. Я поехала в Лесной на трамвае и набрала целый мешок травы, а дома поставила его вариться, он хорошо кипел. Я напоила мамочку и сама напилась этого отвара, и вот у нас у обоих такой сильный понос, мама совсем лежит».

Бедная, неудачная маленькая хозяйка! Эта семилетняя девочка с большими серыми глазами так хочет, чтобы мама ее встала, и она вполне уверена, что сможет ей помочь; ей даже не приходит в голову, что она невольно ускорила смерть любимой матери и сама готова идти за ней тем же путем...

Я забираю девочку, и мы ведем в детском саду упорную и напряженную борьбу за Риту. Немедленно вызываем врача к матери и отправляем ее в больницу. Отец, очевидно, убит на фронте: уже 14 месяцев от него нет известий. Через неделю мать умирает.

Риточка крепко привязалась к детскому саду. Когда ей сообщили, что ее мама умерла, она была скорее удивлена, чем огорчена. Вечером выяснилось из рассказа детей, что Рита тоже решила умереть, а для этого она должна найти червяка и съесть его. Перед сном мы уютно сидели с Риточкой в моей полутемной канцелярии и беседовали с ней долго и тепло. Я крепко поцеловала ее перед сном, и девочка спокойно легла спать. Через месяц мы передали девочку в детский дом, и она была отправлена в глубокий безопасный тыл.

Через четыре дня после отправки девочки из города ко мне зашел пожилой мужчина: это управхоз дома, где жила Риточка Браун с матерью. Накануне была получена телеграмма от отца, он, оказывается, жив. Я читаю полный глубокого волнения сжатый телеграфный запрос: «Умоляю сообщить по адресу Новосибирск, до востребования судьбу жены и дочери Браун».

Мы сообщаем отважному минометчику Николаю Дмитриевичу Брауну все, что мы знаем о его жене и дочери. Мы сообщаем ему и адрес ленинградского детского дома, отправленного в Свердловскую область. Отец найдет Риточку, и она неожиданно встретит своего папу, думая, что осталась совсем одна на свете...

8

Борьба за жизнь и здоровье каждого ребенка иногда плотно упирается в специфические условия жизни города-фронта.

Надя Цыганова заболела корью. Она живет с матерью, напротив детского сада. Мать работает на одном из оборонных заводов. Идти на бюллетень нельзя. Что делать с девочкой? Мать отвозит Надю далеко в Лесной к тетке. Начинается бешеная беготня матери из Лесного на Васильевский остров, на место работы; вечером на Петроградскую за питанием для девочки, оттуда в Лесной к больному ребенку. Через несколько дней такой беготни и траты сил

и нервов, поздно вечером, около 11 часов передо мной в детском саду появляется заплаканная мать с больной Надюшей на руках. Она в изнеможении опускается на стул и, прерывая рассказ судорожными рыданиями, раскрывает передо мной всю сложность создавшихся условий. Она приносит из детского сада питание для дочки и оставляет его на завтрашний день. Тетушка взялась разогревать еду, кормить и следить за 4-летним ребенком. Но вот уже два дня мать с удивлением находит по вечерам свою дочку страшно голодной, а сегодня она убедилась, что тетюшка съедает все питание Нади, той даже не остается супа, и ребенок с плачем спрашивает мать, почему детский сад не дает ей больше каши и супа?

Произошло бурное объяснение, и озлобленная тетя выгнала из дома в 10 часов вечера усталую женщину с больной девочкой, и бедная мать в волнении и расстройстве забыла взять ключи от комнаты. Где искать приюта и ночлега? В больницу дочку нельзя положить, так как в детском саду карантин по коклюшу; брать бюллетень невозможно, на заводе идет напряженная работа для фронта, рук не хватает. Что же делать?

Быстро находим выход. Укладываем ребенка на раскладушку в канцелярии, устраиваем рядом мать... А со следующего утра мать оставляет дочку у себя в комнате и, уходя на завод, заносит ключ от квартиры в детский сад. Во время каждого питания, то есть четыре раза в день, одна из нас берет Надину порцию обеда, завтрака или ужина и направляется в квартиру № 37 дома напротив.

Мы открываем дверь ключом. В маленькой чистенькой комнатке тихо-тихо, как мышка, сидит на кровати 4-летняя Надя. Она совершенно одна, не только в своей квартире, но и на всей лестнице. Днем все немногие жильцы этого дома на работе. Надюшку это нисколько не смущает. Она терпеливо, и как-то по-взрослому понимая,

ждет посещения кого-нибудь «очаговского», и как только слышит звук ключа, повертывающегося в замке, с любопытством заглядывает в открытую дверь. «Это кто пришел? Это Любовь Петровна?» — «Нет, это няня Лена». — «Ах, это Анна Александровна! А что сегодня на обед?». Мы кормим нашего малыша горячим обедом или полдником. Мы убираем в комнатке, выливаем горшочек, моем посуду, укладываем девочку в «мертвый» час. Рассказываем ей все, что произошло в группе, или принимаем врача, даем лекарство. Прощаемся и уходим, запирая Надюшу снова на ключ. Она спокойно засыпает. Вечером поздно приходит мать. Она уже больше не тратит время, силы и нервы на длительные переезды по городу; она спокойна за ребенка и за его питание; она не ушла с завода в самый напряженный момент его работы, и мы вместе радуемся быстрому выздоровлению девочки. Никаких осложнений, никаких последствий не оставила после себя болезнь, и вскоре Надюша уже сидит вместе со всеми ребятами, здоровенькая и веселая, радостно встречает каждого из своих друзей-взрослых.

9

За Юрой Лапиным мы следим давно... Нас заботит его постоянно хмурый вид и его молчаливость. Это большеголовый малыш со вздутым, рахитичным животом, бледный и всегда голодный. Он почему-то очень часто пропускает детский сад и значитесь больным: то «голова горячая», то «животик болит», то «глотать больно». И все это на 1–2 дня, без справки от врача. Однажды меня вызывают в докторскую... Юра Лапин на осмотре: он раздет, и его некрасивое тельце все покрыто синими рубцами и кровоподтеками. «Мама побилла», — коротко, нехотя отвечает ребенок на все наши вопросы.

«За что? Чем?» Нам почти ничего не удастся выудить из этого замкнутого маль-

чика. Составляем с врачом акт; вызываем мать. Она держится нагло и вызывающе: никаких объяснений давать не намерена, ребенок ее, и делает она с ним все, что хочет...

Мы доказываем, объясняем, уговариваем, грозим! На следующий день Юра снова не приходит в детский сад, а мать является за питанием. Ничего не спрашивая, мы выдаем ей полную порцию, и почти вслед за ней неожиданно являюсь к ней на квартиру. Картина, которую я застаю, не требует комментариев. На столе стоят пустые кастрюльки и банки, посуда еще не вымыта после обеда и ужина, принесенного из д/сада. Ребенок сидит в углу на сундуке с большим синяком под глазом и тихо плачет. Мать сердито возится в углу у печурки. В комнате невероятно грязно, холодно и неудобно. Происходит очень короткое объяснение. Я вызываю дворника и соседку по квартире и без большого труда устанавливаю факт систематического избиения мальчика матерью. Она бьет его чем попало и куда попало, главным образом за еду, когда ребенок робко просит дать ему хотя бы кусочек хлебца из его же порции. Все его питание у него же на глазах поедает его «милая», «заботливая» мать, с возмущением доказывающая, что «этого уроды никогда не накормить, утроба у него бездонная». Я составляю на месте акт и забираю мальчика с собой в детский сад. Мать возмущается, кричит, угрожает. Дело доходит до милиции, но ребенка я уже забрала, и он живет в детском саду спокойный и уже не такой угрюмый, как обычно. Вот он уже начинает разговаривать с ребятами, иногда даже улыбается. Ест с жадностью и с нетерпением, совсем так, как сильно проголодавшиеся дети, которых мы так много видели зимой.

Часто среди дня он тихонько открывает дверь канцелярии и забирается ко мне на колени. «Хочу посидеть у тебя», — смущенно говорит он; ночью он требует, что-

бы его положили на самую ближайшую к моей комнате (а я сплю в душевой) кровать, и нередко рано утром вдруг является ко мне. «Хорошо ли тебе, Юрочка? Хочешь ли к маме? Или останешься в детском саду?» — «Не хочу я к мамке, гадкая мамка, хочу жить с тобой», — отвечает мальчик...

Проходит месяц. Мать настойчиво добивается возврата сына. Она приходит 2–3 раза в неделю, извиняется, бьет себя в грудь, плачет, просит. Мы передаем дело в сектор охраны детства. К концу месяца отдаем ребенка матери, взяв с нее обещание, которое она дает как клятву: «пальцем не трону». Однако через неделю она совсем перестает его приводить. Снова я появляюсь в ее грязной неудобной квартире и неожиданно узнаю, что детский сад вообще ей не нравится, что она переводит сына в другой район. Она открепляет ребенка и требует, чтобы мы от него отстали. «И что вам дался мой ребенок! — с негодованием кричит она. — Вероятно, вы имеете от него какую-нибудь пользу?» Да, конечно, мы следим за каждым ребенком, а в особенности за таким, которого объедают взрослые; мы стоим всюду на страже интересов этих маленьких беспомощных ребят, и за этот тяжелый год войны нам приходится порой защищать ребенка не только от врагов, но даже от самого близкого, от самого родного ему человека, от его матери, которая отталкивает его от тарелки с супом.

Я потеряла скоро из виду Юру Лапина: его переселили в другой дом, и через два месяца неожиданно узнала, что накануне в детский приемник НКВД привели бледного большеголового мальчика, подобранного во дворе. Он объяснил, что мать еще вчера оставила его на улице и, уехав на работу, заперла дверь на ключ. Он озяб и был так голоден, что пошел к кухне госпиталя, а в это время его нашел милиционер и привел в приемник. И Юра снова попал в детское учреждение, где никто не отнимет у него

хлеба, обеда и ужина. Он попал в ту семью, где он снова научится улыбаться и где снова оживет потребность каждого детского сердца в ласке, уюте и любви. Да, бывали и такие случаи в жизни блокированного Ленинграда.

10

В ожесточенной, тяжелой и упорной борьбе за детей выросли и окрепли наши кадры. Отечественная война выковала из простых женщин и девушек величайших патриотов своей страны, бесстрашных и неукротимых, энергичных и сильных. Они готовы к любой работе и готовы на все. На фронте и в тылу, наравне с мужчинами, они бьют фашистов, они готовят снаряды, водят поезда, тушат пожары, грузят дрова, выкладывают печи.

И наши девушки и женщины, работающие в детских садах, выросли неузнаваемо за эти полтора года войны. Как многому научила их тяжелая прошлогодняя зима! Сколько напряженного труда она потребовала от каждого из нас, как сильно изменила облик ленинградских дошкольниц!

Лето принесло нам значительное облегчение. После почти полугодового перерыва очищены люки, пущена в действие канализация и, наконец, какое счастье — стал работать водопровод! С каким ликованием мы встретили первую струйку воды, которая весело потекла из всех умывальников, с каким смехом, шутками и радостью мы вместе детьми подставляли свои руки под эту струйку свежей воды; как замечательно, что за ней не надо идти ни на Неву, ни через дорогу в темный подвал чужого дома. Она сама, эта вода, необходимая для нашей жизни, потекла к нам и поднимается даже на второй этаж, чтобы обеспечить нас теми 200–300 ведрами воды, которые нам необходимо было до сих пор возить и носить на себе.

Но теперь важны другие заботы.

Вот уже и новая зима приближается, а город по-прежнему находится в блокаде. Вокруг Ленинграда продолжают стоять упрямые, тупые и кровожадные враги.

А город хочет жить, и жить не так, как жил прошлой зимой, и поэтому он развернул деятельную и разностороннюю подготовку к зиме.

Постановлением Ленсовета все ленинградцы брошены на заготовку дров. В первую очередь необходимо использовать внутренние запасы. Можно сломать и сжечь все деревянные дома, оставшиеся в городе.

И вот мы на сломке дома. Вооружившись топорами, ломami и вилами, лезем на крышу деревянного дома. Неумело, иногда неосторожно, но упорно и настойчиво мы поддеваем листы железа с крыш, подпиливаем стропила, выворачиваем тяжелые потолочные балки, отбиваем доски, выламываем двери, рамы со стеклами, валим перегородки между комнатами, выворачиваем доски пола, разбиваем печи и рушим высокие, торчащие среди развалин печные трубы.

Опасная и тяжелая работа не тяготит и не смущает, однако, никого. С веселыми шутками и замечаниями упорно и настойчиво рубим и пилим мы крепкие дома, когда-то теплые квартиры, уютные комнаты; уничтожаем все то, что еще могло служить людям. Но война заставляет переоценивать все ценности: сейчас нам нужно тепло, нужно топливо, чтобы согреть те комнаты, в которых живут оставшиеся в Ленинграде дети. А на месте деревянных разобранных домов потом мы сами или другие люди построим новые роскошные дворцы и высокие светлые жилые дома. На пустых развалинах раскинутся парки и стадионы. Только бы выгнать врагов из нашей страны, только бы победить в этой борьбе, и мы сумеем сделать жизнь еще более красивой, еще более интересной, чем прежде, и придадим нашему славному городу такой вид,

который он заслужил своей героической стойкостью в борьбе, городу, которому упорно и настойчиво мы рушим стены, обваливаем потолки, опрокидываем печи и возим на ручной тележке наломанные, а порой просто волоком за веревку, бревна в наш детский сад. Тащим их через улицы, мосты, площади за несколько километров, а может быть, нам удастся погрузить на площадки трамвая или автомашины наломанные доски, кое-что перевезти на саночках и тележках... но нашим детям мы создадим в эту зиму теплые групповые комнаты и уютные спальни. Больше они не будут дрожать от холода.

Пусть наши руки распухли и кровоточат, забинтованы ноги, оцарапаны и проколоты ржавыми гвоздями, пусть плечи и спины болят от непривычной тяжелой работы, но мы, женщины-ленинградки, научились работать по-военному, повинувшись только одному слову «надо». Эту команду дает себе каждый боец Ленинграда, и мы готовы в бой с наступающей холодной и тяжелой зимой.

Но для хорошей подготовки к зиме необходимо в первую очередь остеклить окна. Все стекла выбиты от ударов снарядов! Но как не хочется забивать эти дыры фанерой! В городе, кажется, невозможно достать стекло. Число выбитых стекол исчисляется, вероятно, в квадратных километрах. Однако дошкольницы все же достают стекла из пустых квартир. Мы вставляем их по одному в рамы, при каждом сигнале воздушной тревоги, при каждом артобстреле с напряженным вниманием прислушиваемся, не звучит ли где-то близко звон разбитых стекол, не пропадут ли в один миг все наши усилия, столько радостных надежд, столько средств и сил!.. И все же... снова вылетают стекла, снова в окнах зияют дыры, и снова, как муравьи, упорно, с настойчивостью и терпением ищут, тащут, везут дошкольницы новые стекла, снова вставляют их в рамы, снова радуются

своим светлым комнатам и снова с тревогой и ожиданием, сидя с детьми в бомбоубежище, прислушиваются к близким разрывам вражеских снарядов. Удержатся ли стекла сегодня? Или в третий раз, четвертый... шестой раз мы должны будем их доставать и вставлять.

Но нас теперь тревожит и внутренний вид нашего помещения: мы хотим вернуть им обычный для дошкольного учреждения вид. Но все не так, как нужно: стены побиты и облуплены, штукатурка во многих местах осыпалась и дала трещины, от наших коптилок потолки, стены и окна совсем почернели. Но в городе нет маляров, печников и плотников; в городе нет красок, олифы и извести. И снова дошкольницы думают и находят выход. Мы превращаемся сами в штукатуров и маляров. Полным ходом работает детский сад, обслуживая по 150 детей ежедневно, а мы, разбившись на бригады, объединяясь в группы, работая по 14–16 часов днем и ночами, даже во время воздушной тревоги, мы — все 25 человек — красим стены, белим потолки, замазываем окна, красим подоконники и двери, штукатурим все трещины на потолке и в стенах. Конечно, нет у нас профессионального навыка, но это неважно...

С любовной заботой законопачиваем мы войлоком, собранным со сломанных домов, каждую щелочку, каждую дыру в полу и под окнами, озабоченно и серьезно обсуждаем цвет стен каждой комнаты... Ремонтируем наш детский сад с большой любовью к детям... Пусть на не сразу высохшей двери остались следы детских пальцев, пусть наш первый опыт малярного дела дал некоторый дефект в окраске стены. Нам становится еще дороже, еще роднее наш детский сад, и мы с гордостью показываем родителям светлые чистые групповые комнаты с занавесками и салфетками, детские веселые спальни с тюлевыми покрывалами и, наконец, выкрашенный и даже чем-то натертый пол.

Теперь можно встречать зиму без страха, в чистом, красивом и здоровом помещении. Мы много потрудились для этого, но самое главное все-таки в том, что в нашем напряженном труде выросли наши кадры. Сформировались совершенно новые люди, знающие свои силы и свои возможности, знающие, для чего они трудятся; выросли настоящие товарищи, коллективисты-общественники, которым близко каждое дело, нужное для подраненного здоровья детей, каждое дело, нужное для борьбы с врагом.

В наших людях выросла уверенность в том, что любая работа, которая только нужна, может каждым из нас и общими усилиями быть выполнена. И это чувство своей независимости, это осознание своей готовности к любому виду труда подняло и переродило наших людей. Из апатичных, порой замкнутых, робких или наивно-беспечных девушек и женщин, попавших иногда случайно в детский сад на должность няни, прачки, дворника, и порой избалованных и изнеженных, пришедших на должности воспитателя после своей работы секретарем, чертежником, преподавателем английского языка и т. п., эта борьба за красивую, удобную и здоровую жизнь наших детей, борьба за настоящую детскую радость создала сознательных, выносливых и дисциплинированных женщин-патриоток. Сейчас это уже не случайный сбор людей. Каждый детский сад — это дружный, слитый воедино коллектив, преследующий одну цель и идущий одними путями к ее достижению.

И сейчас особенно глубоко прочувствовано и понято каждым из нас — замечательное советское слово «товарищ». Поэтому и не страшны нам теперь любые невзгоды новой зимы. Теперь им уже нас не одолеть! Мы выросли и окрепли в борьбе так же, как окрепла и выросла в борьбе с лютым врагом наша Красная армия, как возмужала и окрепла в этой Великой Отечественной войне вся наша советская страна.

Наши дети сейчас в октябре — ноябре 1942 года тоже уже не те, которыми они были полгода назад. Сейчас они не разговаривают только о еде, не думают об обеде и ужине. Они стали совсем, совсем «нормальными» детьми. Их интересуют картинка и книжка, игры и сказки, музыкальные занятия и беседы. С увлечением поют они песни, танцуют, разучивают стихи. Они полны героикой войны, полны рассказами о сражениях, рассуждают и спорят о самолетах, строят «дзоты» и огневые точки, командуют отрядами, разрушают «бутылками с горючим» и «гранатами» вражеские землянки, захватывают пленных, организуют штабы в пустых сараях и т. п. Почти у всех детей «папа на фронте». Многие уже убиты, некоторые пропали без вести, другие ранены...

Но дети думают о них и тянутся к каждому военному, заходящему на площадку и в помещение детского сада.

И мы устраиваем встречу детей с ранеными бойцами. Для выступления в госпитале подобрана группа детишек из 17 человек. Самой маленькой нашей артистке Томочке — только три года и два месяца. Но ее ничто не смущает. Мы приходим в госпиталь, с которым держим крепкую связь. Нас встречает с любовной лаской и умилением весь штат. Одетые в красноармейские, краснофлотские и физкультурные костюмчики, с красными знаменами и фанфарами, стройно входят ребятишки в одну из палат хирургического отделения. Мы раздвигаем койки, и после нескольких слов приветствия дети начинают свое выступление. С чувством и пониманием говорят они стихи, полные веры в победу, ненависти к фашистам и любви к нашей Родине. Под гармошку, на которой играет старший мальчик, они пляшут и поют свои песни. Но больше всех внимание привлекает наша Томочка. Я ставлю ее на табурет. Одета в форменку с красноармейским шлемом на

голове, она громким детским голоском, захлебываясь и глотая слова и концы фраз, поет частушки: «Воевать мы не хотели, мы за мир всегда стоим, ну уж если нас задели, сдачи крепко мы дадим», — а весь хор подхватывает дружно и весело: «Били наши батальоны самого Наполеона, ничего нет хитрого, что побьем мы Гитлера».

Концерт продолжается. Вот шестеро средних ребят говорят о своих мечтах, а после них старшие пляшут украинский танец, и снова Томочка со стула поет: «У меня есть шапка со звездой, я красноармеец молодой...»

Этих маленьких артистов слушают 15 больных, покалеченных взрослых мужчин. С какими глазами, с какой нежной улыбкой следят раненые бойцы за этими маленькими детьми! Почти у каждого остались где-то далеко, далеко такие же маленькие хорошие дети. Их судьба многим отцам неизвестна. И вся тревога, вся ласка обращается к этим чужим, но таким родным ребятам. Как они хороши! За этих детей, за их жизнь и счастье отданы силы, отдано здоровье, пролита кровь.

И невольно наворачиваются слезы умиления, слезы отцовской боли на усталые глаза сильных и мужественных людей. Они привлекают к себе детей, беседуют с ними и глядят их по головкам темным и русым...

А кругом, в дверях и проходах, набились сестры, сиделки, санитары, подошли ходячие больные, — всем хочется посмотреть на маленьких артистов, таких близких и знакомых, своих. Мы кончаем перекличкой «за Ленинград» и выходим.

Теперь в следующую палату.

Так идет выступление наше в госпитале. С нежной лаской, глубоко взволнованные, мы расстаемся с нашими друзьями, медсестрами, врачами, санитарями, сиделками. Но больше всего тепла, больше всего самых разнообразных чувств, самых глубоких и задушевных мыслей всколыхнули наши дети в сердцах раненых. И когда пе-

ред нашим уходом один из них, с подвязанной рукой, обратился с благодарными словами к выступавшим детишкам, его голос срывался, он часто останавливался, чтобы глубоко вздохнуть, и те немногие простые слова, которые мы услышали в тот день, глубоко запали в нашу память: «Живите, дети, спокойно, растите здоровыми и знайте, что мы снова пойдем на фронт и будем защищать наш город Ленинград до конца. Не бывать здесь немцам! Будьте спокойны... А вы, — обратился он к нам, взрослым, — храните наших детей еще лучше, еще бережнее, и каждый из нас, бойцов и командиров, скажет вам глубокое спасибо за них...»

И мы прилагаем все силы к тому, чтобы выполнить этот завет дорогих бойцов. Полные глубокой материнской ласки и чувства огромного неоплаченного долга, мы оберегаем наше будущее, наших детей, и растим из них новых героев, новых сильных людей, достойную смену своих отцов.

12

Как красиво украшен зал: красные флаги, знамена и лозунги ярко выделяются среди зелени листвы. Над бюстом Ленина горит приветственный лозунг: «Да здравствует XXV-я годовщина Октября».

Да, мы празднуем сегодня великий день, день Октябрьской революции. Четверть века растет наша молодая Советская власть, четверть века растет наша молодая Советская страна, и этот год с особенной, яркой убедительностью подвел итоги большой созидательной работы.

В день великого празднования Октября наша страна, израненная, опаленная пожарами, истерзанная, истекающая кровью, страна, отчаянно борющаяся в смертельной схватке с сильным и коварным врагом, — эта страна во всех своих городах и селах, во всех самых глухих уголках на земле и на море празднует сегодня, гордая и счастливая, свой 25-й год рождения.

И наш Ленинград, уже больше года находящийся в блокаде, наш многострадальный, израненный город, с особенной радостью и глубоким волнением празднует сегодня этот великий день.

Вот звучат бодрые, радостные звуки марша, и в зал входит колонна детей.

Одинаково одетые в белые рубашки и красные трусики, с красными бантами у ворота, со знаменами и фанфарами входят наши ребята торжественно и стройно в парадный зал.

За старшими с красными флажками входят средние группы, одетые красноармейцами и моряками. И наконец, неровной, прерывающейся цепочкой выползают наши малыши...

Какие они нарядные сегодня! С какими возбужденными личиками, несколько растерянные и смущенные, несут они свои красные флаги! С каким интересом оглядывают они нарядно украшенный, знакомый, но такой необычный для них зал. А сколько сегодня здесь детей, сколько взрослых! Как громко играет музыка! Дети размещаются в зале и на «трибуне». Звучат краткие слова приветствия, дети восторженно, громко, от всей души кричат «ура» нашим руководителям, Советской армии, доблестным летчикам, танкистам и морякам. С чувством, уверенно и громко звучат песни. За торжественной частью идет веселье; пляски, стихи, шутки, игры сплетаются в пеструю картину радости. Сколько непринужденного, беззаботного веселья, сколько блестящих радостью глаз, сколько смеха и восторга!

Но праздник достигает своей вершины, когда в него включаются взрослые. У двоих моряков, наших гостей с шефствующей подводной лодки, глаза давно уже смеются. Наконец, не устояв перед жизнерадостностью детей, эти взрослые, смелые люди отбрасывают свою серьезность и, зараженные радостью и песней, сами пускаются в пляс, притопывая и выкидывая ногами такие фигуры, что и ребята, и взрослые

немеют от восторга. Вот в круг вышла наша няня. Неужели это наша Маруся, которая кажется обычно немножко неуклюжей и робкой девушкой? Неужели она так умеет плясать, так петь частушки?.. Так громко и радостно смеяться?!

Праздник занимает 40–50 минут. Однако он горит яркой звездой на фоне повседневной жизни детей. Наконец, веселье заканчивается, и мы, взрослые, с облегчением уводим детей по групповым комнатам и рассаживаем их за празднично убранные столы. К счастью, обошлось без воздушной тревоги, ничто не нарушило задуманной программы. И обед сегодня тоже праздничный. Поверит ли кто-нибудь там далеко, на Большой земле, или еще дальше, за рубежом советской страны, что в блокированном, голодном, заплатанном, разбитом и опустевшем городе Ленинграде тысяча детей едят сегодня белые пироги с рисом, ватрушки с творогом, торты с кремом, бисквиты, шоколад и печенье.

Руководители города сделали все возможное, чтобы дети действительно почувствовали сегодня настоящий большой праздник. И пусть мы, взрослые, с бесконечным напряжением прислушиваемся к каждому звуку извне, в ожидании тревожного предупреждающего сигнала, пусть мы держим в боевой готовности весь наш состав группы МПВО, весь противопожарный инвентарь... Дети сейчас глубоко и цельно переживают этот великий праздник Октября. Фашистские бандиты в бессильной злобе пытаются хоть как-нибудь испортить, хоть чем-нибудь помешать нашему празднику. Воют знакомыми пронзительными голосами сирены, гудят паровозы и трубы заводов: «Воздушная тревога!». Враг надеется застать врасплох наш праздничный город, надеется вызвать суматоху и панику. Но, как и много раз прежде, он просчитался! Каждый военный и гражданский боец Ленинграда, празднующий величайший день в жизни своей страны, сегодня особенно бдителен и подтянут. Ни од-

ного самолета не пропускают наши красные соколы и зенитчики в город, и скоро звучит сигнал отбоя. И мы, покидая свои посты на крыше д/сада, у спален детей, встречаемся вечером за длинным столом со своими товарищами, чтобы еще раз повзрослому, серьезно перечувствовать и передумать все значение сегодняшнего дня, вспомнить еще и еще раз весь пройденный путь труда, борьбы, побед и... потерь.

Вот сидим мы все, члены одного дружного, крепко слившегося коллектива. Посмотрите на лица всех этих женщин, таких нарядных, красивых, таких спокойных и таких робких. Почти 80% из них потеряли за этот год мужей, многие похоронили родителей, детей, братьев. Нет, кажется, ни одной среди нас, которая сейчас сохранила бы ту семью, в которой жила до войны. Но она же, эта Великая Отечественная война создала новые семьи, укрепила новые связи, подняла и воспитала новые чувства, вырастила новых людей, скрепила их новыми отношениями.

И пусть свирепствует обманувшийся Гитлер. Сегодня, в день 25-летия Великой Октябрьской революции каждый советский человек чувствует себя таким сильным, каким он не был никогда прежде; каждый советский человек чувствует, что любит свою Родину так, как он не любил, кажется, ее еще никогда.

Каждый советский человек сегодня ненавидит подлых фашистских гадов такой глубокой, захватывающей ненавистью, на какую, кажется, прежде он никогда не был способен.

И пусть борьба еще не кончилась сегодня, пусть наступил момент самой жесточайшей схватки, требующей от нас еще очень много сил, много напряжения и самого тяжелого труда. Борьба еще продолжается, но каждый из нас, не дрогнув, твердо стоит на боевом посту, защищая жизнь детей; он крепко знает, что **ВРАГ БУДЕТ РАЗБИТ! ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!**

Ленинград, 1942 г.